

В.И. Молодин¹, Л.Н. Мыльникова¹, М.С. Нестерова¹,
Л.С. Кобелева¹, Д.В. Селин¹, Д.А. Ненахов¹, В.С. Степанова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

E-mail: msnesterova@gmail.com

Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году

Проведен культурно-хронологический анализ двенадцати погребальных комплексов эпохи бронзы, выявленных в прошедшем полевом сезоне на памятнике Усть-Тартас-2. Восемь из них относятся к одиновской археологической культуре, три – к кротовской. Еще одно многоярусное захоронение, содержащее пять погребенных, на сегодняшний день не подлежит надежной культурной идентификации. Однако стратиграфическая позиция комплекса и находка бронзового шила позволяет отнести его к эпохе ранней бронзы. Представлена характеристика погребального обряда и инвентаря захоронений, содержащих костяные и бронзовые предметы. Определен круг основных аналогий. Выявлены различия в характере нарушения детских и взрослых захоронений одиновской культуры. Описан редкий способ захоронения погребенного в могиле в положении «сидя» с вытянутыми ногами. Подтверждена гипотеза о наличии изолированного детского кладбища кротовской культуры, где на сегодняшний день изучено уже 8 погребений. Рассмотрены планиграфические особенности формирования пространства могильника носителями разных образований. Так, кротовские и одиновские ряды могильных ям не нарушают друг друга, хотя имеют сходную ориентацию и занимают довольно компактный участок террасы. Сделан вывод о перспективах исследования памятника для выявления специфики погребального обряда носителей культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи, а также установления характера взаимодействия между ними, в т.ч. с точки зрения хронологии.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Обь-Иртышская лесостепь, погребальный обряд, одиновская культура, кротовская культура.

Vyacheslav I. Molodin¹, Liudmila N. Mylnikova¹, Marina S. Nesterova¹,
Liliya S. Kobleva¹, Dmitriy V. Selin¹, Dmitriy A. Nenakhov¹,
Valeria S. Stepanova²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

E-mail: msnesterova@gmail.com

Archaeological Research of 2019 at the Ust-Tartas-2 Burial Ground of the Bronze Age

The article presents the results of cultural and chronological analysis of twelve Bronze Age burial complexes, explored in the last field season at the site of Ust-Tartas-2. Eight of them are associated with the Odino archaeological culture, three with the Krotovo culture. The culture of another multilayered burial with five skeletons currently cannot be established with certainty, although the stratigraphic position of this complex and discovery of bronze awl suggests the Early Bronze Age. Description of the funeral rite and inventory made of bone and bronze is provided, and the circle of main parallels is established. Differences in the disturbed children's and adult graves of the Odino culture have been identified. A rare method of human burial in the sitting position with the stretched legs is described. The hypothesis on the presence of

separate children's cemetery of the Krotovo culture, where eight graves have been already studied, has been confirmed. Planigraphic features of organizing the cemetery space by the carriers of different cultures have revealed that the Odino and Krotovo rows of grave pits did not interfere with each other, although they had a similar orientation and occupied relatively small space of the terrace. It has been concluded that this site shows good prospects for the study aimed at identifying specific aspects of funeral rite among the carriers of the Bronze Age cultures in the Ob-Irtysh forest-steppe region and establishing the nature of interaction between them, including the chronological relationship.

Keywords: Bronze Age, Ob-Irtysh forest-steppe region, funeral rite, Odino culture, Krotovo culture.

Введение

В 2019 г. Западносибирским (руководитель – акад. В.И. Молодин) и Тогучинским (руководитель – д-р ист. наук Л.Н. Мильникова) археологическими отрядами Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН были продолжены исследования грунтового могильника эпохи бронзы, получившего наименование «Усть-Тартас-2». Памятник расположен в 4,3 км от села Венгерова по автодороге М-51 «Старый Московский Тракт» в сторону с. Туруновка, на высокой первой надпойменной террасе левого берега займища «Таи» (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). Археологические исследования этой террасы начались еще в XVIII в., когда здесь был открыт крупный могильник саргатской культуры Усть-Тартасские курганы [Молодин и др., 2019, с. 89]. В 2016 г. в результате археолого-геофизического исследования периферии курганов раннего железного века в межкурганном пространстве на краю террасы были выявлены ряды аномалий, соответствующие грунтовым захоронениям и поселенческим объектам [Молодин и др., 2017, с. 48].

В 2017–2018 гг. было исследовано 50 захоронений, относящихся к периоду позднего неолита, усть-тартасской, одиновской и кротовской археологическим культурам эпохи бронзы [Молодин и др., 2019, с. 90–92]. Раскопом 2019 г. были продолжены исследования северного и северо-западного участков памятника. Общая вскрытая площадь составила 286 м². Цель работы – представить краткую культурно-хронологическую интерпретацию двенадцати обнаруженных захоронений.

Материалы и их характеристика

Характерной чертой погребальной обрядности одиновской культуры является расположение могил плотными рядами параллельно борту террасы [Молодин, 2012, с. 174]. В полевой сезон 2019 г. на памятнике Усть-Тартас-2 изучены восемь погребений этой культуры (III тыс. до н.э.). Пять из них продолжали первый ряд, вытянутый по линии ССЗ – ЮЮВ, вдоль террасы, ближе к ее краю, выявленный в 2018 г. Остальные три захоронения

(два детских и одно взрослое) расположены в северо-восточной части раскопа и формируют третий ряд, ориентированный аналогично. При этом сами могилы ориентированы по линии ССВ – ЮЮЗ. Большинство погребений было нарушено в древности (№ 52–54, 56, 57). Выявлены различия в способах нарушений детских и взрослых захоронений. В первом случае нарушался весь скелет, зачастую в могиле оставались лишь отдельные кости. Во взрослых захоронениях нарушению подвергалась верхняя часть скелета, но берцовые кости и стопы часто оставались в положении *in situ*, остальные кости скелета в могиле практически отсутствовали (за исключением нескольких фаланг). При этом в двух из этих погребений сохранилась часть погребального инвентаря: бронзовое шильце (№ 53) и раковина (№ 54). Это не первый случай наблюдения подобного нарушения могил. Похожая картина зафиксирована на одиновском могильнике Сопка-2/4А [Гришин, 2016, с. 77]. Еще одно детское захоронение (№ 51) не имело признаков погребальной ямы, возможно, оно было сооружено на уровне погребенной почвы, поэтому в результате распашки площади памятника практически полностью уничтожено. Сохранилась бедренная кость и костяная проколка. Однако надежно его диагностировать с точки зрения культурной принадлежности позволяет расположение в ряду одиновских погребений.

Погребение № 61 (скелет 3), впущенное в многоярусную могильную яму, было идентифицировано как одиновское на основании приподнятой верхней части скелета погребенного, а также расположения у его левой плечевой кости каменной луновидной подвески. Это уже второй случай обнаружения в одиновских могилах подобных предметов [Молодин и др., 2018б, с. 313], хотя ранее они были зафиксированы в данном регионе только в комплексах кротовской культуры [Молодин, 2013]. Также в районе тазовых костей погребенного обнаружено пять зубов животного, составлявших, вероятно убранство одежды в районе пояса. Аналогичное украшение было зафиксировано в погр. № 192 одиновского могильника Сопка-2/4А [Молодин, 2012, с. 156].

Погребение № 62 располагалось в подпрямоугольной со скругленными углами могильной яме

размерами $1,6 \times 0,85$ м, глубиной до 0,6 м от уровня материковой поверхности, ориентированной по линии ССВ – ЮЮЗ (рис. 1). Северо-восточная часть могильной ямы глубже юго-западной на 0,15 м. Погребенный мужчина 30–35 лет, судя по положению костей, был захоронен в могильной яме сидя с вытянутыми ногами. В результате разложения мягких тканей верхняя часть скелета «осела» таким образом, что череп оказался на левой тазовой кости, наклоненный лицевым отделом ко дну могильной ямы. У северо-северо-восточной стенки могильной ямы располагались позвонки в сочленении в вертикальном положении, а также ребра, лопатки и грудина. Правая плечевая кость локализовалась на правом крыле таза перпендикулярно положению скелета. Рука была согнута в локте так, что локтевая и лучевая кости дистальными эпифизами находились на верхней части правой бедренной кости. Левая плечевая кость сохранилась в вертикальном положении слева от черепа. Левая локтевая и лу-

чевая кости расположены рядом с тазовой костью параллельно положению скелета. Кости ног вытянуты параллельно друг другу. Под бедренными костями зафиксированы остатки бересты, которой, вероятно, было устлано дно могилы. Фаланги кистей и стоп практически отсутствовали, что связано с деятельностью норных животных, а также, возможно, с негативным воздействием берестяной подстилки на кости погребенного.

Погребальный инвентарь представлен костяными и бронзовыми изделиями (рис. 2, 1–10). В верхней части заполнения могильной ямы обнаружено роговое колечко (рис. 2, 3). Следует отметить, что аналогичные изделия в количестве 23 экз. обнаружены в соседней мог. № 59, культурная и хронологическая атрибуция которой пока остается под вопросом. Похожие роговые колечки известны из кротовских могил памятников Сопка-2/4Б, В [Молодин, Гришин, 2016, рис. 455, 2] и Ордынское-1 [Молодин, Дураков, 2013, рис. 9, 2].

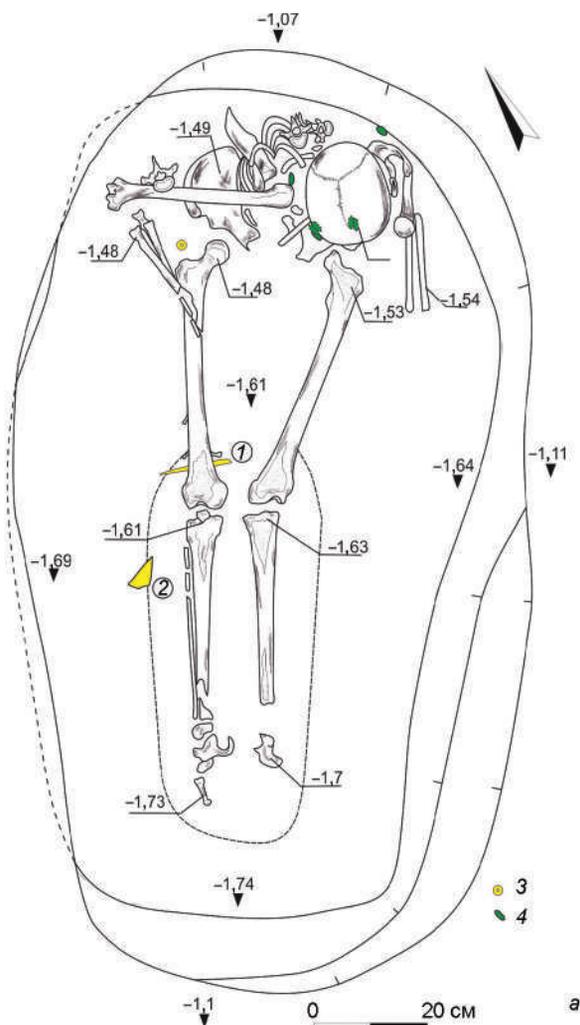

Рис. 1. План (а) и вид (б) погр. № 62 (одиновская культура).
1, 2 – костяное орудие; 3 – роговое колечко; 4 – бронзовые пронизки.

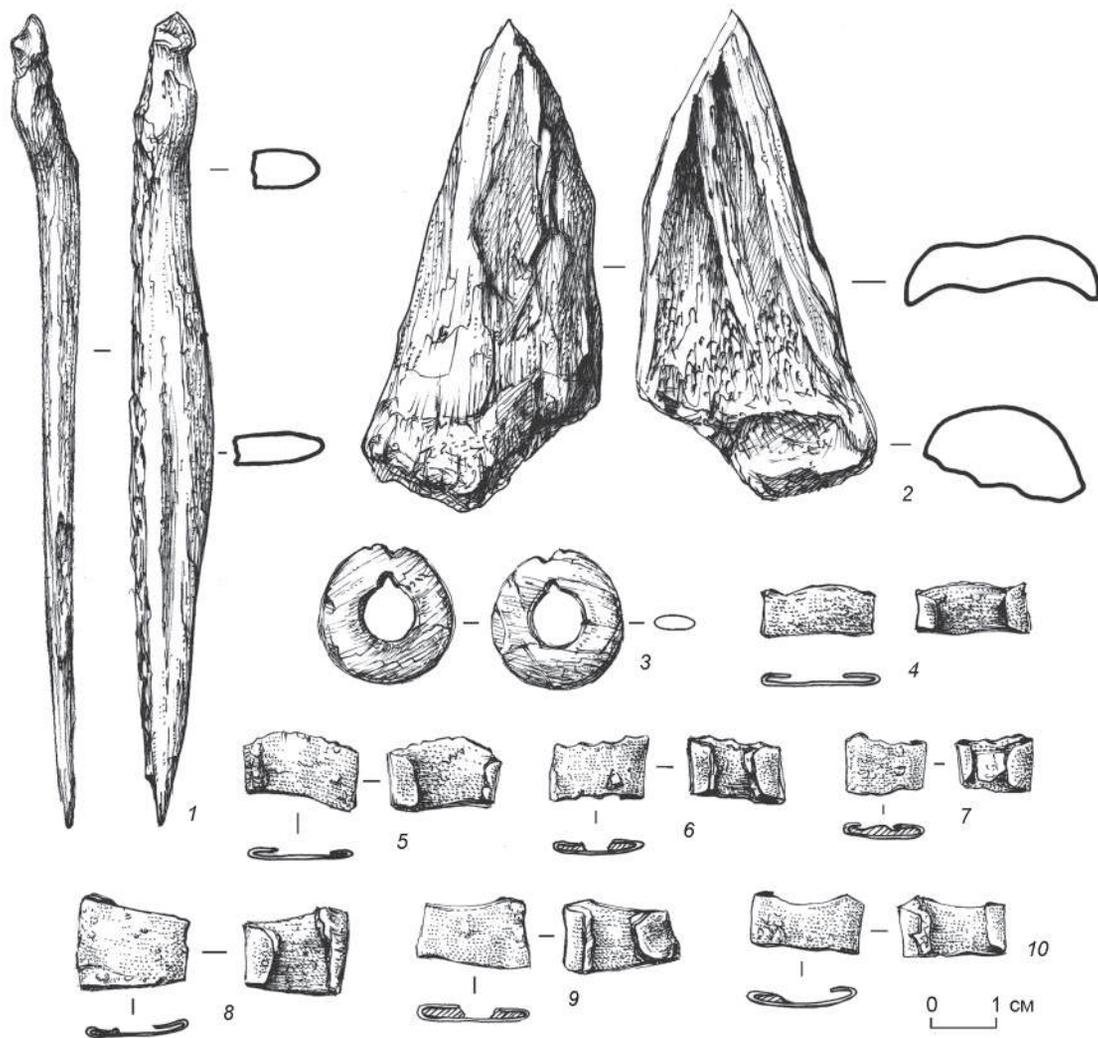

Рис. 2. Инвентарь из погр. № 62.

1, 2 – костяные орудия; 3 – роговое колечко; 4–10 – бронзовые пронизки.

Под дистальной частью правой бедренной кости обнаружена костяная проколка из грифельной кости животного, смещенная норой (рис. 2, 1). Вероятно, первоначально она располагалась рядом с правой кистью погребенного. У проксимальной части берцовой кости обнаружено еще одно костяное орудие (рис. 2, 2). Проколки – один из самых распространенных типов погребального инвентаря одиновской культуры; в целом они имеют широкий территориальный и хронологический диапазон бытования [Молодин, 2012, с. 134–135]. В районе черепа зафиксировано семь бронзовых пронизок, представляющих собой остатки головного убора или украшения волос. Они изготовлены из тонкой бронзовой фольги, разрезанной на небольшие подпрямоугольные фрагменты, загнутые с двух сторон, но не сомкнутые (рис. 2, 4–10). Внутри сохранились фрагменты органики. Любопытно, что две пронизки были обнаружены под верхней челюстью у костного нёба. При этом окислы от них зафик-

сированы на левой височной кости. Вероятно, их смещение произошло в процессе разложения мягких тканей и связок. Две подобные бронзовые пронизки были обнаружены в мужском погр. № 176 могильника Сопка-2/4А. Они располагались также в районе верхней части скелета (у правой височной кости черепа и в районе грудной клетки) [Молодин, 2012, с. 35, 157].

Согласно выборке «сидячих» погребений, проанализированных М.Д. Хлобыстиной, это довольно редкий феномен в культурах эпохи неолита и бронзы Северной Евразии [Хлобыстина, 1991]. Исследователь связывала появление такого способа захоронения с развитием процессов ранней социальной дифференциации, а именно, с высоким прижизненным статусом погребенного, отраженным в атипичном посмертном ритуале [Там же, с. 36].

В случае с описанным выше погребением и погребальной практикой одиновской культуры в целом такая интерпретация представляется нам недо-

статочно аргументированной. Очевидно, мы имеем дело с трансформацией классического погребального обряда одиновской культуры с приподнятой головой или верхней частью туловища [Молодин, 2012, с. 175]. Между тем, следует отметить, что «сидячих» погребений на памятнике Усть-Тартас-2 всего два из сорока четырех исследованных комплексов. При этом положение погребенных абсолютно идентично, также их сближает наличие укороченной могильной ямы по сравнению с классическими одиновскими могилами.

Три захоронения отнесены к кротовской археологической культуре. Они продолжают ряд, зафиксированный в 2018 г. [Молодин и др., 2018а, с. 304]. При этом наблюдается достаточно большое расстояние между могилами (от 3 до 15 м). Следует отметить, что кротовские и одиновские ряды могильных ям не нарушают друг друга. Все обнаруженные захоронения – детские. Таким образом, выдвинутая ранее гипотеза о наличии изолированного детского кладбища кротовской культуры находит свое подтверждение. В погр. № 55 и 60 в вытянутых неглубоких подпрямоугольных ямах захоронены подростки. Погребальный инвентарь представлен каменными отщепами и пластинами, а также несколькими фрагментами керамики, возможно, попавшими в заполнение могильной ямы в результате засыпки. В погр. № 58 захоронен новорожденный (рис. 3). Могильная яма нарушала два более ранних объекта, поэтому ее размеры реконструируются условно (0,76 × 0,45 м). Младенец был уложен вытянуто на спине, головой на ССВ. Справа и слева у височных костей черепа расположено по паре металлических серег (рис. 3, 2–5). Это замкнутые и разомкнутые кольца, выполненные из свинца (?) или оловянистой бронзы, на что указывают характерный светло-серый цвет изделий и их вес. Аналогии им встречаются в эпохально близких памятниках, например, в окуневской и елунинской культурах [Gass, 2011; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010], а также в кротовских захоронениях [Молодин, Дураков, 2013].

Недалеко от погребения обнаружен развал археологически целого керамического сосуда (рис. 4). Он относится к горшкам с выраженной шейкой (группа 2, тип 3, по: [Молодин, Гришин, 2016, с. 223]). Диаметр изделия по венчику составляет 7,8 см, диаметр по тулову – 8,7 см, высота – 7,6 см. На внутренней и внешней поверхности сосуда фиксируются характерные расчесы, выполненные зубчатым орудием. Тулово покрыто шестью волнообразными рядами отгисков отступающего гребенчатого штампа. Срез венчика также украшен косыми отгисками гребенки. Традиция помещения рядом с могилой перевернутых сосудов подробно рассмотрена авто-

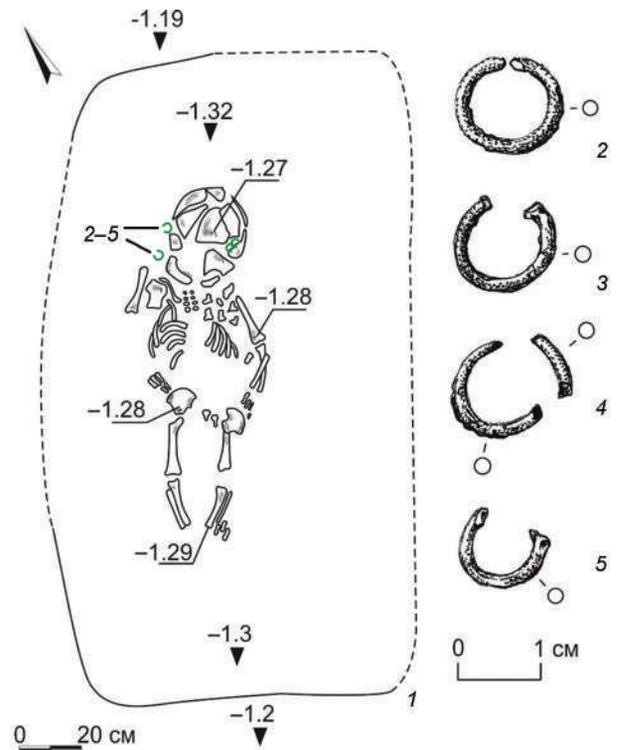

Рис. 3. План погр. № 58 (кротовская культура).
1 – план; 2–5 – металлические серьги.

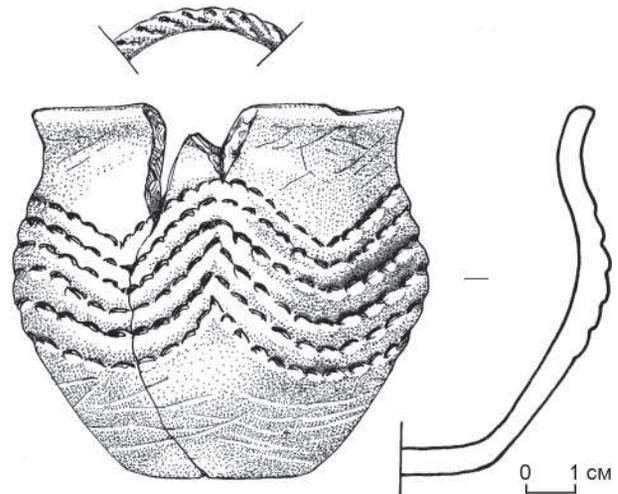

Рис. 4. Керамический сосуд (кротовская культура).

рами в работе, посвященной характеристике данного могильника [Молодин и др., 2018а].

Еще одно многоярусное захоронение, содержащее пять погребенных, на сегодняшний день не подлежит надежной культурной идентификации. Однако стратиграфическая позиция комплекса, а также находка бронзового шильца в деревянной рукояти позволяет отнести его к эпохе ранней бронзы. Тщательный анализ материалов погребения, а также получение радиоуглеродных дат позволят в дальнейшем диагностировать данный объект.

Заключение

Работы 2019 г. на памятнике Усть-Тартас-2 подтвердили культурное и хронологическое разнообразие составляющих его комплексов. К погребениям эпохи неолита, усть-тартасской, одиновской и кротовской культур добавились комплексы эпохи бронзы, хронологическую и культурную позицию которых еще предстоит установить на основе результатов изучения методами естественных наук. Перспективы исследования объектов на памятнике определяют выявление новых черт погребальной обрядности у носителей традиций культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи, а также установление характера их взаимодействия или последовательного освоения площади, на которой сконцентрированы многочисленные различные в хронологическом и функциональном отношении объекты.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003.

Список литературы

Гришин А.Е. Преднамеренно нарушенные погребальные комплексы одиновского некрополя Сопка-2/4а (бронзовый век Обь-Иртышского междуречья) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. – 2016. – С. 72–83. – (Тр. ИИМК РАН; т. 46).

Кирюшин Ю.Ф., Гришин С.П., Тишкин А.А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации: сб. ст. к 80-летию В.И. Сарияниди. – СПб.: Алетей, 2010. – С. 552–565. – (Тр. Маргианской археологической экспедиции).

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – 220 с.

Молодин В.И. Каменные «луновидные» подвески в непо потревоженных погребальных комплексах кротовской культуры (Западная Сибирь) // Monumentum Gregorianum: сб. науч. ст. памяти академика Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Граница, 2013. – С. 135–153.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи раннего металла могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 84–101.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С. Памятники Усть-Тартас-1, -2 в Барабинской лесостепи: культурно-хронологическая интерпретация и перспективы исследования // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2018 г.: Вып. 14: мат-лы XIV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 22–23 мая 2019 г. – Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2019. – С. 88–96.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Райнхольд С. Новый могильник кротовской культуры в Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018а. – Т. XXIV. – С. 304–309.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кобелева Л.С., Гасс А., Фасбиндер Й. Исследования межкурганного пространства могильников саргатской культуры Центральной Барабы с применением магнитометрии // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе: сб. науч. ст.: в 3 т. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. III. – С. 44–48.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ефремова Н.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Демахина М.С. Основные итоги полевых исследований Западносибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи (полевой сезон 2018 г.) // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018б. – Т. XXIV. – С. 310–314.

Хлобыстина М.Д. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // КСИА. – 1991. – № 203. – С. 32–38.

Gass A. Frühbronzezeit am mittleren Enisej. Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. – Bonn: Dr. R. Habelt, 2011. – 202 S., 177 Taf. – (Aus dem Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin, Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bd. 199).

References

Gass A. Frühbronzezeit am mittleren Enisej. Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker. Bonn: Dr. R. Habelt, 2011, 202 S., 177 Taf. (Aus dem Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin, Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bd. 199).

Grishin A.E. Intentionally disturbed burial assemblages at the Odino culture necropolis of Sopka-2/4A (Bronze Age of the Ob'-Irtys interfluvium). In *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya*, 2016, pp. 72–83 (*Trudy Instituta istorii materialnoy kul'tury RAS*; vol. 46) (in Russ.).

Khlobystina M.D. “Sidychie” pogrebeniya kul'tur Severnoi Evrazii epokhi neolita i bronzy. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*, 1991, No. 203, pp. 32–38 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. Eluninskaya kul'tura bronzovogo veka v Ob'-Irtyskom mezhdurech'e. In *Na puti otkrytiya tsivilizatsii: sbornik statei k 80-letiyu V.I. Sarianidi*. St.-Petersburg: Aleteiya, 2010, pp. 552–565 (in Russ.) (Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Kamennye “lunovidnye” podveski v nepotrevozhennykh pogrebal'nykh kompleksakh krotovskoi kul'tury (Zapadnaya Sibir'). In *Monumentum Gregorianum: sbornik nauchnykh statei pamyati akademika G.M. Bongard-Levina*. Moscow: Granitsa, 2013, pp. 135–153 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A. Early and middle Bronze Age burials at Ordynskoye-1, Western Siberia: A new cultural interpretation. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 4, pp. 84–101 (in Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Reinhold S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Efremova N.S., Nenakhova Yu.N., Selin D.V., Demakhina M.S. Main Results of the West-Siberian Team of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Field Research in Baraba Forest-Steppe in 2018.

In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 310–314. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.310-314 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nesterova M.S. Sites Ust-Tartas-1, -2 (Baraba forest-steppe): cultural and chronological interpretation and research prospects. In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevedenie), iss. 14, materialy XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Barnaul, 22–23 May 2019*. Barnaul: Altai State Ped. Univ. Press, 2019, pp. 88–96 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Reinhold S. New Burial Ground of the Krotovo Culture in Baraba Forest-Steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018a, vol. XXIV, pp. 304–309. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.304-309 (in Russ.).

Molodin V.I., Parzinger G., Kobeleva L.S., Gass A., Fassbinder J. Issledovaniya mezhkurgannogo prostranstva mogil'nikov sargatskoi kul'tury Tsentral'noi Baraby s primeneniem magnitometrii. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe: sbornik nauchnykh statei*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, vol. III, pp. 44–48 (in Russ.).

Молодин В.И. <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>
Мыльникова Л.Н. <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>
Нестерова М.С. <https://orcid.org/0000-0003-4024-6753>
Кобелева Л.С. <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>
Селин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>
Ненахов Д.А. <https://orcid.org/0000-0002-0820-9410>